

природно-климатический облик и в основном исчезнувшей с лица Земли в результате катаклизмов, включая похолодание и оледенение. Земли эти были заселены протоиндоевропейцами, которые вошли в историю под названием *гиперборейцев*» (Дёмин 1997: 57—58). Геологическая Арктида, если она существовала, ограничивалась современным шельфом северной Сибири, к тому же данных о её заселённости людьми нет.⁷⁶

И так далее — примеры можно найти почти на каждой странице, где хоть что-либо утверждается. Впечатление такое, будто В. Н. Дёмин вообще не видел различия между фактами и фантазиями. Критика источников, откуда черпаются факты, была ему неведома.

IV.1.6. О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Н. С. Трубецкой

От всех перечисленных авторов достаточно резко отличаются их более серьёзные собратья. Собственно, серьёзность в науке как раз и определяется не по содержанию, а по методам.

Как у Шпенглера, так и у Тойнби отмечено много мелких неточностей (Тойнби 1991: 10, предисловие В. И. Уколовой). Однако мест, говорящих о преднамеренном искажении фактов в угоду своей концепции, у них обнаружить не удаётся. Имеющиеся ошибки не выходят за рамки максимы Козьмы Пруткова: «никто не обнимет необъятного». Разумеется, Тойнби плохо знал историю Шумера или доколумбовой Америки, но это именно незнание, а не подлог. Единственное, в чём его можно в связи с этим упрекнуть, — во вторжение в сферу, которой он владел недостаточно. Что же касается Шпенглера, то его методологические погрешности — другого плана.

Будучи действительно выдающимся учёным (хотя не историком, а филологом), Н. С. Трубецкой также избежал многих примитивных нарушений научной процедуры. Так, у него нет вымышленных фактов, хотя есть фактические ошибки. Впрочем, фактов он вообще приводит мало, обычно рассуждает чрезвычайно отвлечённо. Нет у него и «художественных» определений (см. IV.5), которые говорили бы либо о неумении работать с понятиями, либо о введении читателя в заблуждение. В этом грешен кто угодно, только не кн. Трубецкой.

Но при этом существенно отметить, что Г. В. Вернадский, хотя и разделяет философию евразийства, но не сводит свою историческую концепцию к евразийским идеям. Его «*Киевская Русь*» включает обширные и обстоятельные главы об экономике, социальной системе, политической структуре, культуре и быте. Особые параграфы посвящает он охоте, бортничеству и рыболовству (Вернадский 2004 {1948}: 116—119), деньгам и кредиту (:134—136), национальному доходу (:140—142), отдельным классам и группам, вплоть до степных пограничников (:173—174). И если объём некоторых из этих разделов и невелик, то это объясняется скудостью источников, а не недостатком внимания. Другие же евразийцы — не только кн. Трубецкой (как-никак специалист совсем в другой области), но и д. и. н. Л. Н. Гумилёв — проходят мимо таких «мелочей», обозревая историю только с высоты «птичьего полёта». И если Гумилёв и упоминает о ростовщиках, например, то не ради анали-

⁷⁶ Лишь с 1989 г. исследуется Жоховская стоянка в самой северной части Новосибирских островов. Однако её возраст по радиоуглероду — не более 8 тыс. лет назад, а уровень — верхний палеолит или мезолит (подробнее см.: Питулько и др. 2012). Ни то, ни другое не подходит искателям Гипербореи.

за кредита на Руси, а лишь затем, чтобы перейти к единственно важной для него теме — межэтнических отношений.

Однако миф всё-таки основан не столько на вымышленных или искажённых фактах (этого может и вовсе не быть, а ложь бывает не только мифологической), сколько на *смыслах*, присваиваемых этим фактам.

IV.2. Редактирование смыслов

Напомним читателю, что миф отличается от рационального мышления именно тем, что анализирует не столько сами явления реальности, сколько смыслы этих явлений, их место в ценностной картине мира (см. подробнее: Мосионжник 2006: 266 и др.). Автор специально говорит не о «присвоении», а о *присваивании* смысла: этим термином в программировании обозначается придание конкретного значения математической переменной. Именно операции со смыслами событий позволяют авторам, по выражению А. И. Райкина, «шёпот возвести до грома небесного, а гром небесный — до шёпота».

Конечно, крайний случай «редактирования» и фактов, и смыслов — откровенная ложь. Вот совсем свежий случай. Буквально накануне выборов 2008 г. лидер Ку-клукс-клана Т. Роб пригрозил в случае победы Барака Обамы расовой войной, мотивировав это тем, что «афроамериканцы — иностранцы, которые вторглись в Соединённые Штаты, чтобы разрушить христианскую культуру» (Смирнов 2008). Между тем достаточно знать историю США хотя бы на школьном уровне, чтобы вспомнить: ни один африканец до XX века не явился в Америку по собственной воле, тем более с продуманной целью. Однако это — предельный вариант. Впереди у нас — не столь очевидные случаи.

Когда Розенберг разносит по разным «расовым душам» греческих богов (Rosenberg 1934: 36—37 и далее), когда он оценивает деятельность исторических лиц, «проявлением арийского духа» всегда оказывается проявление ценностей, заявленных автором изначально. Что именно их разделяли древние арийцы, лишь постулировано, но ни анализа, ни аргументов нет. Это не доказательство, а логический круг: «что это А, вытекает из того, что это А». Любой анализ любой обстановки у него сводится на расовое (=психологическое) объяснение. Примеры тому уже приводились, повторять их не стоит. Везде, где излагаются подлинные события — например, история вальденсов (Rosenberg 1934: 90 ff.), — за уши притягивается именно такое объяснение; где непроверяемые — тем более. Читатель должен не столько даже уяснить причины, вызвавшие те или иные факты, сколько усвоить, что любые причинные объяснения фактов следует искать *здесь*. Сами же факты прекрасно объясняются и без расистской теории.

И опять мы находим ту же черту у Гумилёва: «дорого заплатила фамилия Ли и весь Китай за жизнь старушки и оскорбление учёного» (Гумилёв 1960: 138), «умение танских монархов миловать побеждённых» (Гумилёв 1967: 177). Особенно характерен «поход благочестивого Песаха» (Гумилёв 1992: 129—133): событие, отложившееся лишь в «Кембриджском анониме» («источник сугубо недостоверный», составленный через 300—400 лет после описанных в нём событий — Лурье 1994: 173) и не замеченное другими хронистами того времени, в том числе и «Повестью